

Любовь делает Одесса

Елена Роговая

Елена Роговая

Лувр делает Одесса

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Роговая Е. А.

Лувр делает Одесса / Е. А. Роговая — «Эксмо», 2018

Мама дорогая, что началось во французской столице после покупки золотой тиары скифского царя Сайтаферна! Париж бурлил, обсуждая новость. Толпы любопытных ринулись в Лувр, чтобы посмотреть на чудо древнегреческого искусства – шедевр, стоивший государству четверть миллиона франков. И только Фима Разумовский, скромный ювелир из Одессы, не подозревал, что его творение, за которое сам он получил всего две тысячи рублей, оценено так высоко... Не знал он и того, что мировой скандал вот-вот накроет его с головой. И ему придется молиться о том, чтобы не попасть в тюрьму за мошенничество...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Роговая Е. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	27
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Роговая

Лувр делает Одесса

1

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *Владимира Симонова*

Глава 1

Глубокой осенью 1860 года в уездном городке N Минской губернии уже немолодая женщина родоразрешилась здоровым мальчиком. Появившись на свет, Фима не стал сразу же заявлять о себе громким криком, отчего изрядно напугал и без того взволнованную мамашу. Новорожденный несколько секунд молча лежал в руках акушерки, и лишь когда получил крепкий хлопок по попе, вздрогнул и разразился пронзительным криком.

– Радуйтесь, уважаемый Хацкель, вы стали отцом в третий раз и совсем не напрасно, – облегченно вздохнула акушерка из-за тряпичной шторы, отделяющей кровать от небольшой кухни. – Прекрасный ребеночек, и с Беллой, несмотря на большой перерыв между родами, все в порядке. В ваши годы и такое счастье! Мальчик после двух девочек – утешение и подмога в старости. Желаю вам долгие годы оставаться в мужской силе. Примите младенчика, воспитывайте, а я пойду домой. Устала. Возраст, знаете ли. Мальчика как назовете?

– Хаимом будет, как мой дедушка, – еле слышно произнесла Белла.

– Фимой так Фимой. Красивое имя. Прямо как у сыночка поручика Рыбникова. Хорошо, что так назвали, а то бы я забыла к ним сегодня зайти. Ихний ребеночек по ночам спать не желает. Может, болит чего, а может, ночь с днем перепутал? Кричит который день. Его бедную мамашу уже тепает. Бог даст, сия оказия вас минет. Оставайтесь при солнце в бодром здравии, а при луне в блаженном спокойствии. Очень важно кормящей мамаше высыпаться, если еще не забыли. Хотя ваш мальчик не выглядит крикуном, можете мне поверить. На своем веку я их немало приняла в этот грешный мир. Характер по первому вздоху определяю, – отрапортовала акушерка, пряча в карман скромное вознаграждение за родовспоможение.

Фима Разумовский и впрямь не был крикуном. О себе напоминал при появлении голода, иногда хныкал от сырости в пеленках и весело гулил всякий раз, когда сестры с матерью обращали на него внимание и потрясывали над люлькой костяными пуговицами, нанизанными на суровую черную нитку.

На пятом году Фиминой жизни в дом пришел меламед¹ Мордехай.

– Фима, хочешь в школу? – вкрадчиво спросил он.

– Неа, – без энтузиазма ответил Фима, ковыряя палочкой земляной пол.

– А в армию?

При слове «армия» Фима прекратил свое занятие и с интересом посмотрел на меламеда:

– Хочу.

– Уважаемый Мордехай, не слушайте бестолковое дитя, – поспешила исправить неловкую ситуацию мать. – Он еще не знает, чего в жизни лучше хотеть. Зачем ставить такие серьезные вопросы ребенку, когда есть мама? Спросите меня, и мы ответим.

– Ефим, не спеши расстраивать и без того бедных родителей. Если ты будешь хорошо учиться в хедере², тебя возьмут в иешиву³. Если будешь хорошо учиться в иешиве, то сможешь стать зятем безграмотного, но о-о-очень богатого торговца. Фима, это престиж и единственный путь к успеху для юноши из семьи без достатка. Так ты хочешь стать зятем богатого человека или все-таки в армию?

– Хочу стать зятем.

– Вот это другой разговор!

Меламед открыл молитвенник и позвал к себе мальчика. Ткнув толстым пальцем в первую букву, он торжественно произнес:

¹ Меламед – учитель в начальной религиозной школе.

² Хедер – начальная еврейская школа.

³ Иешива – высшее религиозное учебное заведение.

- Фима, это буква «алеф». Она похожа на быка. Посмотри, навсегда запомни и повтори.
- Это буква «алеф», и она похожа на быка, – протяжно произнес Фима.

В ту же секунду, откуда ни возмись, на голову будущего ученика упало несколько мелких монет.

– Вот видишь, не успел ты выучить первую букву, как на тебя уже посыпались денежки. Представляешь, что будет, когда ты станешь грамотным человеком?

– Это правда, Хаим. Слушай, что тебе образованный человек говорит. Выучишься, станешь богатым и купишь себе место в синагоге у восточной стены, где сидят только уважаемые люди. Правда, Мордехай? – добавила мать пару слов к убедительной речи меламеда.

Детские глаза загорелись радостным блеском, и согласие на ежедневное посещение хедера было незамедлительно получено.

С утра до вечера отрок зубрил Пятикнижие Моисея под руководством ребе Семена – бывшего николаевского солдата, весьма неплохо выговаривавшего букву «р» и всякий раз лупившего босняка Фиму, когда тот умудрялся засыпать во время уроков. Лишь по пятницам и в первый день каждого нового месяца детей отпускали домой немного раньше. Такому послаблению ученики были несказанно рады и покидали духовную школу с восторженными криками и свистом. Большого рвения в изучении закона Божьего Ефим не проявлял. Более того, от скуки всякий раз норовил что-нибудь нарисовать на парте, чем немало огорчал учителей и набожных родителей. Дома, в свободное от древнееврейского языка, литературы и Талмуда время, горевученик прятался в укромный уголок и занимался лепкой фигурок из хлебного мякиша или глины, но чаще всего царапал гвоздиком витиеватые узоры на мебели и стенах. Делал он это «ой, как красиво!», и у отца не поднималась рука наказывать сына за порчу имущества. Все, на что попадал Фимин взгляд, вскоре превращалось в нечто особенное, вызывая восторг не только у родственников, но и любопытных соседей.

– Хацкель, ты только посмотри, как он колупает своими пальчиками щерти шо! – по доброму ворчала бабушка, рассматривая изрезанную ножку табурета.

– Мама Фрейда, я не знаю, к худу это или к добру, но уже поздно говорить «ша». В доме не осталось места для его художеств! Наверное, это талант. Вы как думаете?

– Сыночка, спасибо, что спросил свою старую, но еще умную маму. Раввином, как я посмотрю, он уже не станет, а меламедом, как и умереть, успеет каждый день, поэтому пускай уже делает шо хочет, а мы будем посмотреть.

– Жена, скажи, ты когда-нибудь в своей жизни видела музэй?

– Хацкель, ты хочешь надо мной смеяться?! А то ты не знаешь, что евреям запрещено покидать местечко!

– Хочу, Белла, смеяться, но только не над тобой, а над теми, кто придумывает с нами такую глупость. Скажи, я чем-нибудь отличаюсь от Арбузова, Пономарева или Якушева?

– Как ты можешь сравнивать себя с Якушевым! К Юрию Адамовичу нужно обращаться «Ваше благородие», а к тебе просто: Хацкель Разумовский.

– Так и есть, но я больше чем уверен, «Его благородие» тоже в музее никогда не был, хоть ему разрешено по всем городам свободно ездить. Белла, если бы он к нам зашел и посмотрел, как красиво делает наш мальчик!

Видя, с каким упорством сын облагораживает домашнюю утварь, родители немного подумали и подарили чаду карандаш, открыв ему тем самым дорогу в светлое будущее. Потом еще немного подумали и приложили к подарку маленький перочинный нож. Получив таким образом родительское благословение, Фима, за неимением чистых бумажных листов, тут же разрисовал книги с молитвенниками фигурками людей и животных. Вскоре с помощью подаренного ножа все нарисованное он вырезал из дерева. Над каждой миниатюрой юный мастер корпел по несколько часов, аккуратно, слой за слоем, срезая лишнее. Тонкие кудрявые стружки

падали на пол, и мускулистые тела воинов становились совершеннее с каждым срезом. Своих героев Фима «одевал» в одежды римских легионеров, передавая до мельчайших подробностей не только складки на костюмах и оружии, но даже выражения лиц. Когда этап работы по дереву прошел, он заказал у кузнеца полоску из меди, которую каждый день гравировал с завидным упорством. Изнахратив железяку вдоль и поперек мельчайшими узорами, он вооружался отцовым напильником и насколько хватало детских сил полировал использованную поверхность, подготавливая место для следующей работы.

Фимино мастерство совершенствовалось с каждым днем. Оно оттачивалось вместе с камнями и деревяшками, с набросками рисунков на бумаге, да и просто на земле с помощью острой палочки. Руки обретали твердость, пальцы чувствительность к сопротивлению материала, глазомер безошибочно определял перспективу и угол обработки поверхности, а мозг рождал и надолго удерживал в памяти будущее творение.

Каждую неделю Хацкель брал сына на рыбалку. В один из таких дней, сидя на берегу и скучая, Фима попросил отца срубить ему хлыщ орешника.

– Опять будешь резать? Вот дал же Бог беспокойные руки! Даже на рыбалке не можешь тихо посидеть. Рыба, она же тишину и покой любит, а ты щас стружками всю воду забросаешь, – ворчал Хацкель, пробираясь сквозь заросли орешника в поисках толстой и ровной ветки.

Возвращаясь с рыбалки домой, Разумовские повстречали купца Винокурова. Увидев у мальчишки необычную удочку, он подозвал его к себе.

– А ну-ка, покажи, что за интересная штуковина оттягивает твою руку.

Фима с радостью протянул купцу новое удище. Винокуров долго вертел его в руках, гнул, проверяя гибкость, рассматривал витиеватые узоры, прикидывал на вес, много раз сжимал резную рукоятку и от удивления цокал языком. Потом, не спрашивая согласия мастера, вытащил из кармана три копейки, отдал Фиме и забрал удочку, попросив его сделать за неделю еще хотя бы пару подобных. Фиминой радости не было предела. Хацкель, видя, какая удача подвернулась, опередил с ответом счастливого и на все согласного сына:

– Он бы с удовольствием сделал вам не одну шикарную вещь, но учеба в хедере отнимает много времени. Зубрит день и ночь, знаете ли, день и ночь! Добавьте по копеечке на каждое удище, и я позабочусь о проблемах в школе.

– Полушка, и не больше.

– Тогда по денежке, и договорились, – подытожил Хацкель, резко одергивая сына за руку, который чуть было уже не согласился нарезать удищ за «большое спасибо».

От внезапно свалившейся удачи и первого заработка Фима чуть не потерял сознание. Волна счастья накрыла его с головы до пят, и он вспомнил слова Мордехая и денежки, падающие на голову неизвестно откуда. «Вот, началось сбываться без всякой грамматики и Пятикнижия», – подумал он и пулей побежал домой рассказывать матери об удачном гешефте.

Глава 2

Как и договаривались, через семь дней Хацкель пришел в лавку Винокурова. Он аккуратно разложил пять удилиц на прилавке и, хитро шурясь, отошел в сторонку, давая купцу возможность спокойно рассмотреть товар. Артемий Григорьевич спешно надел пенсне и склонился над рыболовными снастями.

– Ты смотри-кась, как он ловко узор закрутил! Вроде бы ножичком самую малость пошкрябал, а оттенок у дерева уже другой, и смотрится богаче. А в эту даже другие кусочки дерева умудрился вставить. И подогнал-то как ловко! Это уже инкрустацией называется. Мастак твой сын, скажу я, уважаемый папаша. Хороша работа! Будь по-твоему, наброшу по копейке за каждую!

Пока Хацкель подсчитывал в уме прибыль, Винокуров унес товар в подсобку и вернулся оттуда с деньгами. Хацкель остался сделкой весьма доволен, впрочем, как и купец. Уже на следующий день он покрыл удилица лаком и выставил их на продажу на порядок дороже от закупочной цены.

Фимины слава не заставила себя долго ждать. Она, как рыбка, клюнула на красивую, мастерски выполненную удочку и тут же попалась. Благодаря таланту юного гения и его необыкновенной остроте зрения к тринадцати годам его уже знали за пределами местечка. Сам помещик Добровольский пожелал отгравировать у него столовое серебро. Ради такого случая Фима не пожалел фантазии и украсил овальное блюдо сценой охоты на кабана. К назначенному сроку Петр Евстафьевич лично приехал оценить работу. Он взял блюдо в руки и, подойдя к окну, принялся его скрупулезно рассматривать. В дубовом лесу собаки рвут подраненного зверя, свирепо, до последнего вздоха сражающегося за свою жизнь. Лохматая борзая, поддетая клыками, летит в сторону. Она изгибается от боли, из лапы льется кровь, но это лишь раззадоривает других псов. Только одна собака неизвестной породы наблюдает за сценой издалека, трусливо прижавшись к ноге хозяина.

– Не ожидал! Не ожидал увидеть нечто подобное! – похвалил помещик Фиму. – Уважил так уважил. Какой накал страстей! Прямо настоящая жизнь! Сам много раз на кабана ходил, не одну собаку покалечил, стравливая с клыкастой зверюгой. А ты где все это мог видеть? В книжке или на охоте доводилось быть? Хотя, что я спрашиваю, жидам свинину есть нельзя. Так? Или вы уже другого закона придерживаетесь?

– Так, – робко ответил Фима. – Талмуд запрещает есть мясо животных с раздвоенными копытами.

– И правильно делает, что запрещает. Вы не ешьте, а мы уж решим, что с ним делать. Так сколько ты хотел за свою работу?

– Договаривались о пяти рублях.

– Всего-то! Вот тебе твои пять, и за старание рупь сверху накидываю.

Фима вежливо поблагодарил и забрал только причитающуюся ему сумму. Он знал, что благосклонность помещика Добровольского стоит намного дороже рубля, поэтому, несмотря на нужду в деньгах, отказался от вознаграждения.

– Ты смотри-кась, гордый какой! Уважаю. Ладно, будь по-твоему. Но если захочешь поехать учиться ювелирному делу, помогу с рекомендательным письмом. У меня в Киеве кое-какие связи имеются. На других бы не стал свое расположение расходовать, а на тебя не жалко. Талант налицо, а таким всегда поддержка нужна. Искусству с наукой без меценатов нельзя. Нет им жизни без наших денежек, как ни крути.

Свой первый серьезный заработок Фима тут же вложил в книгу, три штихеля и напильники. Все это ему помогла выписать из Польши старшая сестра. Получив профессиональный инструмент, он заказал знакомому токарю деревянные рукоятки для печатей, а кузнецу круг-

лые формочки. Штемпельное дело Фима поставил в городе на высокий уровень, чем начал вызывать зависть у старых граверов и нешуточную озабоченность у родственников.

– Фимка, хоть бы из-за твоего таланта нам дом не спалили, – сетовала мать. – Сегодня шла на рынок и нечаянно заглянула в окно гравера Пельмана. И шо ви себе думаете! Он сделал вид, как будто со мной не очень знаком, и отвернулся смотреть в другую сторону. Сынок, я волнуюсь. Может быть, ты будешь работать немножечко хуже других?

– Что такое говорит эта глупая женщина! – заступился за сына отец. – Не слушай мать и сразу же забудь ее слова. Фима, работай еще лучше и копи деньги. Ты обязательно уедешь из штетла⁴ в большой город. Слава Господу, времена изменились, и евреям разрешили учиться. Вот увидишь, образование сделает тебя богатым.

– Хацкель, ты хочешь отдать сына в русскую казенную школу? Они же там обернут его в свою веру! Раньше через армию пытались отобрать нашего Бога, а теперь со стороны училищ заходят, – запричитала бабушка.

– Мама Фрейда, не тревожьте свое сердце. Уже несколько лет как император отменил закон о насильственном крещении евреев.

– Это хорошо. Теперь у меня есть надежда. Пускай он будет русским, но только с Моисеевым вероисповеданием.

На слова родственников Фима слегка улыбнулся и молча продолжил фляхштихелем снимать излишки металла с поверхности будущей печати.

Как-то раз, вернувшись домой, он застал бабушку Фрейду за привычным ей занятием – распариванием потрескавшихся огрубевших пяток. С этой процедурой внук был знаком с детства, но на сей раз его удивили беспорядочно разбросанные новые напильники вокруг посуды.

– Фимка, до чего же хороший инструмент тебе прислали из Варшавы! – качая головой, восхищалась бабуля. – Сразу видно – заграничные вещи. Ручка удобная, прям под мою ладошку сделана. Вот этим, грубым, прошлась несколько раз... и порядок. Круглый с треугольным сильно хорошо подходят для порепанных пяток. Наждаком с мелкой полосочкой все начисто зашлифовала, и кожа сделалась как у малютки.

– Бабушка Фрейда, я очень рад за ваши порепанные пятки, но это же граверный инструмент!

– Бестолковое дитя, кто тебе сказал, шо мои ноги, на которых я толкусь для вас день и ночь по кухне, хуже и дешевле серебра? Фима, ты говоришь бабушке обидные слова! Не переживай, ничегошеньки не будет твоему инструменту. Он же железный, не гнется.

– Ах, делайте что хотите, лишь бы вам было приятно, – махнул рукой Фима, усаживаясь за начатый утром эскиз.

Он заострил карандашный грифель напильником и погрузился в раздумья.

– И правильно, шо молчишь. Никогда не надо перечить женщине. Или ты уже не здесь? Подойди, говорю, бабушка тебя поцелует, а ты ей жиром ноги смажешь и иди, иди себе дальше шкрябать все, шо зародится в твоей умной голове.

Фима нехотя отложил листок в сторону и послушно встал.

– И вот шо еще хотела тебе сказать. Мастерство и талант – нужные вещи для жизни, а бумагу об образовании получать надо. Ехай, Ефим, отсюда в большой город учиться, тем более что сам Петр Евстафьевич за тебя обещал поручиться. Бабушка Фрейда не против. Бабушка тебе даже рубель для этого дела припасла. Как поедешь, отдам.

– Обязательно поеду, но только немного позже. Сейчас мне никак нельзя. Я должен Винокурову два охотничьих ружья отгравировать. Он обещал хорошие деньги заплатить, если я

⁴ Штетл – местечко.

ему к осени заказ успею выполнить. Он дочь замуж отдает и решил будущего тестя подарком порадовать.

– Так он два дарить будет?

– Одно. Второе для продажи. С гравировкой стоит дороже. Как только у него его купят, он сразу же мне за работу заплатит.

– Вот жмот! Это у него-то нет денег! Фимка, дурак ты доверчивый! Тебя же будут использовать все кому не лень! Прямо расстроил бабушку. Поцелуй еще раз и иди работать, а я за тебя сейчас молиться буду. Может быть, Господь смилостивится и даст моему внуку хоть капельку практичности. А еще надо попросить у него для тебя хорошую жену.

– Бабушка, я не хочу рано жениться.

Бабушка Фрейда оценивающе посмотрела на внука. Невысокого роста, худощавый, с длинными руками и тонкими чувственными пальцами, какие бывают разве что у музыкантов и аристократов. Острые плечи торчат под синей хлопковой рубашкой в черный горошек. А широкие коротковатые штаны из домотканого сукна со шнурком на поясе еще больше подчеркивают нескладность фигуры и кривизну ног. И лишь густые волнистые волосы – настоящее украшение взрослеющего юноши, лоб и щеки которого усеяны красновато-синюшными прыщами.

– Фима, пока ты не красавец, но когда повзрослеешь и захочешь, может быть уже поздно. Хороших невест разбирают быстро, а плохая пускай на тебя не рассчитывает. У нас есть терпение, и мы подождем. Кто найдет добродетельную жену, цена ее выше жемчугов. Уверенно в ней будет сердце мужа ее, и... – сделала паузу Фрейда.

– ...и он не останется без прибыли, – продолжил Фима.

– Умница, не зря столько лет учился в хедере. Деточка, все благословения в еврейских семьях приходят через жену. Ничего страшного, если мы заранее побеспокоим Бога помочь подыскать наш счастливый случай. Брачуются один раз и на всю жизнь, поэтому мы хотим быть уверены, только и всего. Ну хватит, заболтал меня. Иди, работай и ни о чем не думай. Я попрошу уважаемую Браху позаботиться о шидухе⁵.

– Бабушка, но она же берет много денег за услуги.

– Фимочка, запомни: расходы на шидух – это самый кошерный способ избавиться от денег.

⁵ Шидух – сватовство.

Глава 3

На шестнадцатом году Фиминой жизни вопросом женитьбы занялись всерьез.

Зисл, дочка печника Бецалеля, была хороша собой, но отсутствие за ней приличного приданого стало серьезной причиной прервать встречи молодых.

С Гилой Розенфельд, дочерью аптекаря Шимшона, сложилось тоже не все гладко. Настораживала излишняя сдержанность невесты.

– Ничего страшного, – заступилась за невесту Браха. – Такое бывает у девушек. Она стесняется. Нужно время, чтобы ушло напряжение и молодые почувствовали влечение друг к другу. Повстречаетесь несколько раз, и все станет ясно. Фима, у тебя есть неприязнь к Гиле?

– Нет пока, – ответил юный жених после некоторого замешательства.

– Вот и замечательно! Я знаю немало счастливых браков, которые могли бы не сложиться из-за скромности одной из сторон. Если после нескольких визитов друг к другу не появится притяжение, можно считать сватовство не состоялось, – подытожила сваха.

– Фима, – шепнула на ухо внуку Фрейда, – нужно о ней получше разузнать. Может, она психическая и ей папаша-аптекарь какие-нибудь порошки с каплями успокоительные дает, шоб она тихая была. Женишься по незнанию и будешь всю жизнь мучиться. Браху тоже не слушай. У нее интерес корыстный. На долгие встречи не соглашайся. Жениться нужно не по привычке, а по любви. Любовь – она как искра для сухой травы. Упала, и тут же случился пожар. Слушай свое сердце. Если тебя сомневает, лучше откажись от следующих встреч. Душа не может обмануть, она все чувствует. Будешь дольше видеться с невестой – будет труднее отказать, да и печали всем немало. Фима, мне кажется, она нам не нужна.

На этом и порешили. Следующая невеста мало того, что была неказиста, так недостаток ее внешности усугубляла излишняя болтливость ее матери.

– Симха будет точно такой же, как и ее мамочка, а может, даже хуже, – подвела итог встречи Фрейда. – И еще, похоже, нам придется отказаться от услуг уважаемой Брахи. Она таскает к нам кого попало и каждый раз настаивает приглядеться. Когда в сватовстве настаивают – это настораживает. Дадим ей немного денег, шобы она о нас поганые слухи не распускала, и откажемся. Мы просили Бога подыскать Фиме хорошую жену? Просили. Так и нужно полагаться на него, а не на сваху. Он знает лучше, какая девушка нужна моему внуку. С сегодняшнего дня прекращаем поиски. Вот увидите, следующая невеста будет самой подходящей.

– Мама, как без свахи узнают, что наш Фима хочет жениться? – возмутился Хацкель.

– Сынок, ты недооцениваешь возможности Всевышнего. Отпусти от себя заботу, и все встанет на свои места.

Через несколько дней в дом пришел мужчина, живущий через две улицы от Разумовских.

– Реб Хацкель, я не буду тратить много слов, а спрошу напрямую. Ты знаешь, у меня на выданье красавица дочь, у тебя – сын. На какое приданое ты рассчитываешь?

– Пятьсот рублей.

– Как пятьсот! Не многовато ли хочешь?

– В самый раз. Такого жениха еще нужно поискать! Руки у парня золотые, трудится день и ночь. Он у меня единственный сын. От армии освобожден, да к тому же на заработанные деньги он уже начал строить собственный дом. Пойди поищи таких женихов! Нет, уважаемый Соломон, мы будем подождать.

Все произошло само собой, и не так, как ожидал Хацкель. В один из весенних дней подруга матери Лея отправилась в соседнее местечко за молочными продуктами. Она частенько их покупала у семьи Блюменфельд. Как и положено после покупки, женщины обсудили последние новости и конечно же дошли до собственных нужд, где и выяснилось, что старшая дочка Блюменфельдов уже давно желает замуж, но достойного жениха на примете нет.

– Роза, очень уважаю вашу семью, дай Бог вам мира и благосостояния! Я прям не понимаю эту современную молодежь. У Мэри уже давно есть на что посмотреть, и все равно трудности при таких внешних возможностях!

– Мы хотим ей счастья, поэтому осторожность при выборе не помешает. В таком деле нельзя спешить.

– Розочка, вы сказали за свою проблему, а я уже знаю, как помочь. Есть! Есть прекрасный жених для вашей Мэри, и с точно такими же взглядами на брак. Ви знаете мой вкус! Не сомневайтесь, если все случится, будете всю жизнь меня вспоминать добрым словом.

Лея спешно попрощалась и побежала к мужу, который ждал ее возле воловьей упряжки.

– Барух, разворачивай быстрее скотину до дому! Я тебе сейчас расскажу, а ты точно не удержишься и обязательно меня похвалишь. Кажется, я нашла невестку своей любимой подруге.

После двухчасовой тряски Лея с легкостью спрыгнула с телеги и побежала к Разумовским рассказывать новость.

– Белла, радуйся, счастье пришло в ваш дом! – закричала она еще с дороги. – Ты даже представить себе не можешь, как Фима с Мэри будут красиво смотреться под хупой⁶!

– С какой еще Мэри? Где ты ее нашла?

– Ты же знаешь, что я почти каждую неделю езжу в Домановичи покупать молочные продукты.

– Лея, не тани, рассказывай дальше.

– Так я и рассказываю. Цены там всегда лучше здешних, и выбор богаче, поэтому я люблю у них пройтись по базару, заглянуть в лавки. Так вот, если ты знаешь бухгалтера ихнего винного завода реба Шимшона Блюменфельда, то уже начинай проникаться уважением к этому почтенному человеку. Лея, какой он грамотный! В его роду были раввины и ученые, а он, как я уже сказала, аккуратно работает бухгалтером. А какой он набожный! Говорят, его начальник не сильно евреев жалует, но Шимшона очень уважает. Его даже ревизия не потревожила, когда завод приехала проверять. Она увидела, как он усердно молится в кабинете у стены, и осталась стоять как вкопанная. Прям встала тихо, дождалась конца молитвы, а когда он закончил, только тогда начала смотреть отчетные книжки.

– Лея, не томи.

– Тебе не интересно, какие родители у твоей будущей невестки? Если нет, то считай, что я ничего не говорила.

– Ладно, потерплю, но ты ближе к делу. Невеста хороша собой?

– Как можно! Неужели бы я нашему Фимочке предложила абы что? Я тебя умоляю! Белла, если бы ты знала, как он красиво и тихо разговаривает! От него никто никогда плохого слова не слышал. Чистюля, каких еще нужно поискать! Сапоги натирает каждый день и пейсы крутит на льняной отвар так, что они несколько дней держатся. А какая у него умница жена! Из семьи раввинов и ученых.

– Ты же говорила, что Шимшон из знатной семьи.

– Ошиблась. Я же говорю, не ставь мне раньше времени вопросы и не перебивай. Из-за тебя запуталась. Так вот, он милостыню бедным так подает, что даже никто этого не замечает. Семья не богатая, но очень приличная. Все девочки у них большие мастерицы: шьют, вяжут, хлеб пекут. А уж какое масло с творогом делают! Они иногда и на наш базар приезжают. Беллочка, давай на следующей неделе ты поедешь со мной. Зайдем к ним за продуктами, и ты согласишься на будущую невестку.

⁶ Хупа – балдахин, под которым стоят молодые во время бракосочетания.

Так и сделали. Ровно через неделю подруги отправились на смотрины. Зайдя в дом Блюменфельдов, Белла увидела работающую на кухне Мэри и с первых же минут полюбила ее, как родную дочь. По приезде домой она с восхищением о ней рассказывала:

– Если бы вы видели, как она ловко с тестом управляется! Оно воздушное, легкое, так и норовит из рук выскользнуть, а Мэри его лопаточкой подсекает и в муку. Мнет клубочек, пузырьки воздушные в нем так и трещат, так и трещат! Прямо уже видно, какой пышный хлеб будет после выпечки. Потом все клубочки разложила по формам, оставила для подъема и пошла яичную лапшу замешивать. Лея с Розой разговаривают, я им поддакиваю и искоса поглядываю на предмет нашего интереса. Раскатала она почти прозрачную лепешку и нарезала такой тонкой соломкой, шо мне за всю жизнь не сумею сделать подобное. Какие умелые ручки у нашей Мэри! И ко всем ее достоинствам, она мила лицом, – гордо произнесла Белла, словно подвела черту под отчетом о проделанной работе.

Фима полностью положился на вкус матери и был абсолютно уверен, что девушка с именем Мэри красива и не может быть плохой женой.

Ни у кого из членов семьи после рассказа не осталось сомнений, что пора ехать свататься.

– Вот так все себе и представляла, – обрадовалась Фрейда. – Если поиск невесты идет без препятствий – не это ли рука Господа? И вот еще что, дорогой сын, – обратилась она к Хацкелю. – Забудь про пятьсот рублей приданого. Сколько дадут, тому и будем рады.

– Как это! – возмутился Хацкель. – За нашего-то Фиму – за его золотые руки?

– А вот так! Никогда в еврейских семьях приданое не было главным. Если у невесты есть выбор, то за кого она выйдет замуж?

– Ясно, что за образованного.

– То-то! А знаешь, как я познакомилась с твоим отцом? В пятнадцатый день месяца Ав. В день радости и веселья. По такому случаю все девушки на выданье одевались в белые одежды. Богатые менялись платьями с бедными, чтобы женихи не знали, кто из какой семьи. Мы гуляли всю ночь в винограднике. Кто там знакомился, обретал счастье на всю жизнь. Главное, сынок, не деньги, главное – соблюдение закона и знание Торы! Только через нее семья получит уважение. Твой папа был лудильщиком, мы жили бедно, но, слава Богу, у нас всегда хватало денег купить свечи для шаббата. За это Господь никогда не оставлял нас без куска хлеба. К чему я все это говорила?.. Ах да! У хорошей жены, Хацкель, светильник и ночью не гаснет. Фима, – внезапно переключилась Фрейда на внука. – Скажи своему папе, что получает семья через женскую добродетель?

– Прибыток, – с готовностью ответил Фима.

– Я тебе говорила, что ты умница?

– Говорила.

– Так вот, еще раз говорю. Иди, бабушка тебя поцелует и благословит.

Фима послушно встал на колени возле Фрейды, и она долго над ним молилась, утирая грубым платком обильные слезы счастья.

Глава 4

Во время следующей поездки за молочными продуктами Лея предупредила Блюменфельдов о предстоящем визите Разумовских.

– Никогда не думала, что придется быть свахой, но ради моей подруги Беллы согласна ей работать хоть всю жизнь. Я обещала подыскать для Мэри жениха, так вот, все и случилось наилучшим образом. Фимочка мальчик – золотые руки! Если бы вы видели, какая это умница! Мамина радость. Да что там мамина! Считай, всем повезло с его талантом. Какие он делает чудные вещи! Просто загляденье! Откуда что берет в своей голове! Захочите получше рассмотреть его художества – готовы очки с толстыми линзами. А наш Фимочка без всякой лупы такой узор на ложечках сгравировает, увидите и сразу без чувств от восторга упадете. Фима клад – и никак иначе! Его печати самые лучшие в округе. Случайно, вашему мужу не требуется новый штампель в ближайшее время? Нет, наверно? А жаль! Если таки «да», то вы знаете, куда нужно обращаться. Я на всякий случай сказала. А что касается вашей кровиночки, так после седьмого дня Суккота⁷ ждите гостей, если вы не против ее счастья, – возбужденно отпартовала Лея, отсчитывая деньги за покупку.

– Спасибо, уважаемая Лея, дай Бог вам светлого разума до конца ваших дней и хорошего достатка семье. Уберите сегодня деньги в карман и передайте Разумовским, что им здесь будут рады.

К смотрящим, а заодно и к сговору⁸ готовились две недели. Все это время Хацкель ходил взволнованный, периодически что-то бормотал себе под нос, жестикулировал, подсчитывал в уме и сразу же записывал на маленьком клочке бумаги. Шутка ли, такое серьезное дело предстоит пережить! За дочерей так не волновался, как за Фиму. Любимый сын, толковый, надежный. Только на него и можно рассчитывать в старости.

– Хацкель, к Блюменфельдам нужно ехать с Фимой. Пускай мальчик посмотрит на будущую жену и успокоится, – предложила бабушка.

– Мама, это совсем не обязательно. На первой встрече можно и без него обойтись. Он нам не доверяет или как? Опять же, дом на кого оставить? Считай, на целый день выезжаем! Не дай Бог, пожар или погром, останемся нищими на всю жизнь.

– Хацкель, прекрати говорить плохо о нашем будущем! Впереди такие праздники, а ты настроение погонишь, – вмешалась в разговор Белла. – Мне тоже не нравятся эти старомодные законы. Как можно ему не показать Мэри? Он же ее наверняка сто тысяч раз в своей голове нарисовал, и все до одного рисунки разные. А вдруг его представление не совпадет с оригиналом, и тогда «на тебе здравствуйте» – нервный сдвиг. Он у нас мальчик впечатлительный, с ним по-другому нужно. Я тоже за то, чтобы ребенок ехал с нами.

Так и решили. Все оставшиеся дни прошли в хлопотах и подготовке не только к сватовству, но и к празднику урожая. Предстояло смастерить во дворе сукку⁹, в которой в течение семи дней всей семье нужно было есть, пить и даже спать. Ради такого дела Хацкель специально на лошади съездил в лес и нарубил крепких веток для стен шалаша, а для крыши – ивовых прутьев. Не успел он заехать во двор, как Фрейда преградила ему путь:

– Сына, покажи, чего ты нам привез.

– Мама, я же не первый год живу и знаю!

– Я знаю, что ты знаешь, но мне будет спокойнее, если я посмотрю.

Бабушка окинула взглядом свежесрубленные, источающие влагу гибкие прутья ракиты.

⁷ Суккот – праздник урожая.

⁸ Сговор – процесс обсуждения материальных условий брака.

⁹ Сукка – шалаш.

– На схах¹⁰ у земли брал или высокие боковые срезал? – подозрительно спросила она.

– Мама, ну конечно боковые! Можно подумать, я забыл, какие нужно. Посмотрите себе и успокойтесь. Вон какую красоту заготовил.

– Умница, так и должно быть! Для Господа делаем, не для себя, поэтому лишним не будет, если я разок посмотрю. Положено брать ветки повыше от земли – значит, нужно исполнять.

– Так а я что делал? Идите, мама, себе на кухню и не мешайте домой заезжать. У меня еще дел столько, что за полночь ложиться придется. Вы лучше мою жену кликните или Фиму. Пускай идут помогать.

– Фима не может. Ему нужно с подарком для Мэри успеть, а Беллу сейчас позову.

Весь вечер супруги трудились во дворе. Обязательных три стены и крыша строились по всем правилам. Белла поддерживала опорные столбики, когда Хацкель их вбивал в землю, помогала переплестать и связывать между собой ветки, обрезала ножом торчащие побеги и выполняла с радостью все, что говорил ей муж. Хотя праздничные хлопоты и утомительны, но очень уж приятные. Главное – сделать не хуже других, а по возможности, даже лучше. Для строительства сукки нельзя жалеть ни времени, ни фантазии.

Еще с утра Белла собрала самые красивые фрукты и сейчас с любовью развешивала их под крышей постройки. Вход в шалаш ей захотелось украсить по-особенному. Идея пришла внезапно. Взглянув на кудрявую рябину, растущую за плетнем, она взяла резак и устремилась к дереву.

– Ты уж извини меня, красавица, за порчу, но позволь мне украсить тобой наш праздник. Ломать не буду. Срежу острым ножиком, не почувствуешь, да и тебе легче будет. Вон как ветки под тяжестью ягод провисли. Небось, ждешь не дожدهшься, когда дрозды после первых морозов прилетят твое богатство клевать?

Из веток она связала что-то вроде гирлянды и прочно ее закрепила по периметру входа в сукку. Найденным решением Белла осталась очень довольна, но потом немного подумала и к пурпурным гроздям рябины добавила кисти наливного янтарного винограда. Результат превзошел все ожидания. На протяжении лета ягоды впитывали в себя солнечный свет и сейчас с благодарностью за полученное тепло и любовь отдавали его обратно, переливаясь и искрясь в лучах заката, словно сотни маленьких язычков пламени. Корзину с остатками фруктов она поставила у входа с правой стороны, а самую большую и красивую тыкву, выросшую на мусорной куче, – слева. Завершив работу, Белла отошла в сторонку полюбоваться плодами своего труда. Довольная, она то и дело покачивала головой и облегченно вздыхала, рассматривая шалаш со всех сторон.

– Если в сукке днем солнца будет больше, чем тени, а ночью через крышу мы не увидим звезды – считай, сукка не кошерна, – вывела из приятной задумчивости очередным нравоучением сноху Фрейда.

– Мама, ну почему вы всегда думаете о нас хуже! Столько лет опыта ничего для вас не значит? – возмутилась Белла.

– Вот именно, столько лет вашей маме, а уважения ни на грамм! Могли бы и промолчать в момент моей заботы о вас. Ничего святого! Даже страшно подумать о том времени, когда меня не будет! Молодец Хацкель, все красиво сделал! – подвела итог Фрейда, словно он все строил один, и, устало шаркая ногами по земле, побрела домой.

Фима тоже не сидел без дела. В последние дни он был особенно задумчивым. «Мэри. Какая она, эта Мэри? Мама сказала, у нее красивые густые волосы, заплетенные в две косы, голубые глаза и кожа белая, словно у знатной барышни. А вдруг она мне не понравится? Нет, девушка с таким именем не может быть плохой. Что-то нежное и теплое исходит от этого

¹⁰ Схах – крыша шалаша.

имени. Как хочется порадовать ее достойным подарком. Кольцо, брошка или шпилька доставят ей радость? А что, если я ей гребень серебряный сделаю? Женщинам без него никак не обойтись, в отличие от нас, мужчин. Сделаю, пускай вспоминает меня добрым словом всякий раз, когда сядет перед зеркалом прическу делать».

Фима зажмурился на мгновение, и когда открыл глаза, точно знал, какую форму и размер будет иметь его подарок. Быстрыми штрихами он набросал эскиз. Осталось только придумать, чем украсить спинку гребня.

«Покроить бы голубой эмалью, да вот беда: не успел освоить сие замысловатое искусство. Сколько возможностей мне бы открылось, владей я секретами эмалирования. Наверняка в Киевских мастерских обучают этой технике. Даже ради нее стоит туда ехать. Бирюза тоже подойдет для украшения, но хватит ли у меня камней?» – рассуждал Фима, сидя за рабочим столом.

Из деревянной шкатулки он достал кожаный мешочек и высыпал содержимое на стол. Семь маленьких голубых камушков, как крупные капли дождя, застучали о деревянную столешницу и застыли в форме цветка.

– Вот и ответ сложился, – обрадовался Фима. – Незабудки! На гребне должны быть незабудки! Они такие же нежные и красивые, как юные девушки, поэтому не могут не понравиться Мэри.

Несмотря на то, что решение было найдено, ночь у Фимы прошла беспокойно. Он часто ворочался, вздыхал и просыпался. Мозг работал, искал оптимальную композицию: как расположить камни по отношению друг к другу, как выгодно подчеркнуть природную красоту бирюзы, правильно используя ее прожилки с вкраплениями? Гребень непременно должен быть легким, а цветок на нем нежным, девственным.

Только под утро Фима крепко заснул. Снился ему зеленый луг с высокой густой травой и нежно-голубое небо с редкими пушистыми облаками. Птицы щебечут. Где-то вдалеке дятел отбивает дробь острым клювом, выискивая жуков в больном дереве. Кукушка напрашивается на вопрос о годах жизни. И во всем этом такая гармония и природная красота, что захотелось ему упасть на мягкую густую траву и лежать бесконечно долго, пока тело не сбросит с себя дневную усталость, не охладится от жара солнечного. Фима ложится под тенистым деревом. С земли все видится иначе. Все малое, невидимое вдруг начинает открываться человеческому взгляду, удивляя доныне неведомой жизнью.

Вот муравей веточку тащит – старается торопыга. Жук-скарабей завалился на спину, перевернуться хочет, а не получается. Болтает беспомощно в воздухе бархатистыми членистыми ножками, а ловкости в теле нет. Конечно, при таких-то рыцарских доспехах! Улыбнулся Фима, глядя на страдания жука, и спас бедолагу. Мышка выбежала из норки. Замерла. Носиком по сторонам водит, запахи улавливает, глазками-бусинками зыркает вокруг себя. Дзинь! Серебряная капелька росы скатилась с травинки, словно с горы, и прямо серой по уху. Зафырчала малая и ну давай лапкой себя по голове бить. Стряхнула сырость, перебежала на другое место и снова присела, подставляя спину солнечным лучам. Глянул Фима на ее ушки и обомлел. Маленькие, розовато-прозрачные и по форме своей один в один – лепестки незабудки. Даже тонюсенькие волоски, торчащие в разные стороны, как на цветке.

– Понял, как нужно гребень делать! – обрадовался Фима и проснулся.

Глава 5

Фима снова извлек из мешочка камни и разложил на столе в виде дуги. «Нельзя делать один цветок. Будет выглядеть тяжело, да и ничего особенного. Их должно быть семь, а может, даже и больше, если получится. От серебра лучше отказаться: холодно и колюче. Кость подойдет как нельзя лучше. Маленькие незабудки по ажурной спинке гребня будут чудно смотреться, да и материалы прекрасно дополняют друг друга. Голубая бирюза на белом. Что может быть нежнее! Мне кажется, Мэри – девушка с утонченным вкусом, она оценит».

– Фима! Четвертый раз зову к завтраку, а тебя, как и раньше, нету, – сетовала Фрейда на внука. – Утром не будила, ждала, когда сам проснешься. Щас отгадаю: до зари не спал? Бабушка на тебя не ругается. Бабушка все понимает и хочет, чтобы ты до своей невесты ехал красивый и здоровый. Иди уже за стол!

– Минуточку!

– Можно подумать, у нас на стене висят часы, чтобы мне знать эту минуточку! Это снова надолго? Посмотри, какую рассыпчатую кашу я сегодня сварила и маслицем сдобрила. Тебе молока теплого или из погреба?

– Из погреба! Мама дома?

– На базар пошла за куриным жиром. Хочет к празднику гефилте гезеле¹¹ сделать. Предлагаю, какие там сегодня цены! Эти продавцы-крохоборы своего не упустят. Хоть бы деньги у нее не украли. Говорят, цыган много понаехало. Вот народ, нигде им не живет, нигде им пристанища нет! Хотя что про цыган говорить, нас тоже не сильно где любят. На прошлой неделе такой гвалт на рынке стоял. Говорят, снова крестьяне с евреями дрались.

– И кто победил в драке?

– Ненависть, деточка. К сожалению, она всегда одерживает верх в таких случаях. Хоть бы ты уже пожил в спокойное время.

За завтраком Фима сидел задумчивый, ел торопливо, не чувствуя ни запаха пищи, ни ее вкуса. Опустошив тарелку каши, он спешно встал из-за стола, вместо «спасибо» мотнул головой и ушел.

– Вот и как с ним жена будет жить? Он же ничего не слышит, что ему говорят! Все думает и думает о своем. А зачем я сама себе ставлю такой вопрос, если наперед ответ знаю? Можно подумать, кому-то такой муж не нужен! Слова грубого против не скажет, со всем соглашается, лишь бы его с мысли не сбивали. Конечно, Мэри будет с ним счастлива, а значит, и я.

Фима повертел в руках первый камень. После внимательного осмотра на предмет мелких включений и бороздок, которые доставляют немало хлопот мастерам, он сделал пару легких срезов для определения направления минерального слоя. Лишь после всех необходимых процедур с помощью тонкого мелка камень был разделен на пять частей по количеству будущих лепестков. Грубую работу Фима выполнил штихелями, то и дело меняя их в зависимости от выполнения задачи. Плоский уступал место боковому, боковой – клиновидному, и так до того момента, пока не понадобились надфили. Постепенно сформировался цветочный венчик, и с этого момента началась основная работа. Медленно, от периферии к центру убиралось лишнее. Лепестки пока еще толстые, без изящных изгибов, но это всего лишь дело времени.

Полукруглым напильничком Фима сформировал необходимой ширины отгибы и слегка зауженные края листочков. Чтобы придать камню максимальную схожесть с незабудкой, он немного «приподнимал» кончики некоторых лепестков или же приспускал всего лишь один край, от чего цветок становился естественным, оживал.

¹¹ Гефилте гезеле – фаршированная куриная шейка.

К своим годам мастер накопил немалый опыт и прекрасно знал, что не бывает идеально правильных форм. Иногда камень начинал сопротивляться и самовольно изменять форму будущего цветка. В таких случаях Фима приостанавливал работу и давал отдых уставшим глазам. Во время паузы он делал новый набросок и чаще всего соглашался с природой. Слой за слоем снимались излишки, обнажая легкие прожилки цветоноса и стебелек, на котором будет крепиться в гребне готовый цветок. С костью больших проблем не было. Материал благодарный, податливый. Еще до начала работы с бирюзой Фима почти три часа вываривал заготовку в растворе кальцинированной соды до полного обезжиривания, потом тщательно промыл и, чтобы придать ей белизну, закопал на сутки в гашеную известь, которая всегда имелась в доме на случай подделки печи. Сушка материала требовала нескольких дней, поэтому Фима совершенно спокойно занялся цветами. С рисунком на гребне не пришлось долго мучиться. Было решено украсить спинку ажурной резьбой из тонких веточек и травы, среди которой он и разбрасывает маленькие незабудки.

Несколько часов Фима выпиливал лобзиком одиннадцать зубьев. Два крайних и средний он решил оставить пошире, чтобы по ним спустить извилистые веточки со спинки гребня. Когда все было готово, он просверлил дырочки в местах вырезки и аккуратно с помощью втиральника начал выбирать материал, оставляя на поверхности кости лишь задуманный выпуклый узор. Все получилось наилучшим образом. Когда гребень был готов, Фима отполировал его волосистой щеткой с меловым раствором, а напоследок прошелся пару раз хлопчатобумажной тряпкой. Цветы так органично вписались в ажурный рисунок, что восхищениям родственников не было предела.

– Сынок, до чего же ты у нас рукастый! – восхищалась Белла, рассматривая подарок. – Мэри в нем будет такой красавицей!

– Вот это и страшно, – вставила свое веское слово Фрейда. – Она будет красавица, а Фима волнуйся себе всю жизнь!

– Мама, она будет его любить, вот увидите!

– Конечно, как можно такое не любить! Оно же сидит все дни, режет и выпиливает красоту, за которую платят хорошие деньги. Ты бы, Белла, не любила такого мужа?

– Если бы Хацкель умел делать, как Фима, я бы его уважала еще больше.

– Нет, вы посмотрите на эту женщину! Хацкель, ты столько лет прожил с женой и только сейчас узнал, что тебе недодали!

– Вы о чем, мама?

– Я, сыночка, за любовь сейчас говорила, но тебе оно было не надо.

– Мама, вы сами-то поняли, что хотели нам сказать? – спросил Хацкель.

– Мама поняла, и у нее от таких слов уже отказали сердце и поясница. Фима, уколи меня чем-нибудь острым в бок.

Фима послушно взял со стола треугольный надфиль и мягко ткнул бабушке в спину.

– Вот, даже ничего не почувствовала от расстройства! Подай мне твой чудный гребень. Бабушка сейчас посмотрит на красоту и сразу же успокоится. Надо же так изодраться! Прямо как твои родители, когда хотят меня обидеть. А ты, Фимочка, не обращай внимание на папу с мамой и послушай, что я тебе скажу. Даренный Богом талант никак нельзя профукать, поэтому, когда поедем свататься, не спеши-таки говорить «да». Если она тебя не будет любить, настроения твоя вся упадет и ты забудешь, как делать красивые вещи. Это что у тебя за штукавина лежит?

– Давчик.

– Так и подумала. А для чего он нужен?

– Зажимать что-нибудь, когда нужно отпилить или сточить.

– Так вот, деточка, и я про то. Если любви не будет, зажмет тебя Мэри, как этот давчик, и будет всю жизнь пилить, пилить. Фим, может, не поедет на нее смотреть? А вдруг она поганая какая?

– Мама, вы шо такое говорите! – возмутилась Белла. – Для вас уже мое зрение ничего не значит?! Я сама вот этими глазами видела, какая она хорошая девушка. Нашему сыну очень повезло с невестой.

– Вот! Это я и хотела услышать перед сном. Теперь мне стало лучше, и можно спокойно уйти на покой. Давай я тебя поцелую, золотко мое необработанное. Запомни, никто о тебе не позаботится лучше, чем твоя родная бабушка или мама, на худой конец! Им же все равно, на ком ты будешь жениться! Скорее бы уже к этим Блюменфельдам съездить и самой все рассмотреть, – сказала напоследок Фрейда и ушла спать.

Глава 6

В день смотрин семья Разумовских проснулась еще до восхода солнца, и в доме сразу же началась суeta. Только Фима спал безмятежным сном младенца, подложив под щеку ладонь.

– Рыбочка моя, – с любовью молвила бабушка, глядя на посапывающего внука.

– Мама, да будите же вы его, а не любуйтесь! Вон сколько дел нужно до выезда сделать, а он вылеживается, будто все подождут.

– Что ты за мать такая бесчувственная! Ребенок наверняка ночь не спал и представлял, как будет у Блюменфельдов. Он за нас переживал, так хоть сейчас пускай поспит! Когда женится, разве ж полюбуешься им спящим? – вздохнула Фрейда, утирая слезу.

– Ой, мама, вы запросто полюбуетесь! Я-то уж знаю!

– Можно подумать, мама не имеет права посмотреть на свое дитя. Это ж сердце нужно не иметь, чтоб такое сказать!

– Женщины, прекратите с утра ругаться и поторапливайтесь, – прервал перебранку Хацкель. – Я пошел запрягать лошадь, а вы собирайте на стол. Поедим и будем выезжать.

Завтракали торопливо, без аппетита и должного почтения к пище. Каша подгорела, картошка немного не доварилась. Да кто в такой день будет обращать внимание на подобные мелочи! После еды Фрейда накрыла грязную посуду рушником и пошла переодеваться. Белла с вечера позаботилась о муже и сыне. Она вытащила из сундука вещи и развесила их на веревке, чтобы за ночь они немного расправились. Как и большинству мужчин, Хацкелю не потребовалось много времени для сборов. Он быстро надел на себя белую льняную рубаху, жилет с пиджаком, широкие полусуконные штаны, черный картуз и сел на табурет в ожидании родственников.

– Жена, мне сюртук с собой взять или лапсердак ¹²?

– А на улице холодно сегодня?

– Сыровато, туман еще не рассеялся.

– Тогда лапсердак, все теплее будет. От твоего сюртука из китайки ¹³ никакого толку. Замерзнешь, спину прихватит – и все, считай, поселился калека в доме. Грей тебе потом спину лечебным камнем да за натирками к доктору бегай. Хацкель, думай своей головой и не мешай собираться! Щас, немножко, и уже выйду.

Ради такого ответственного мероприятия Белла успела пошить новое платье из тонкой светло-зеленой шерсти. В последнее время, несмотря на строительство нового дома, в семье стало легче с деньгами, и она, как всякая женщина, стала изредка позволять себе обновления. У местечкового портного Лущика она долго рассматривала затертые страницы журнала и выбрала платье с узким глухим лифом и немного заниженной талией. В отличие от элегантной дамы на картинке, юбку она не решилась делать прямой.

– Красиво, но как в такой садиться на телегу?

– Понимаю и поддерживаю, – живо согласился с клиенткой мастер.

– И еще, мне кажется, расширенная к низу, она будет очень нарядно смотреться с белым передником. Шейте уже расклешенную, а по подолу пустите бежевую атласную ленту, как на моем любимом чепце.

О том, что Белла шьет себе платье, в доме никто не знал. Под разными предлогами она бегала на примерки к портному и возвращалась оттуда какой-то особенной – мягкой и женственной. Такие перемены конечно же не остались незамеченными свекровью. Фрейда, видя счастливые глаза невестки, подозрительно посматривала в ее сторону, но с выводами не торо-

¹² Лапсердак – верхняя одежда на подкладке.

¹³ Китайка – дешевая ткань китайского производства.

пилась, ибо время в семье наступило суетное. Кто знает, чего она может из-за колготни подумать!

– Ну, как тебе мое платье? – поинтересовалась Белла у мужа, расправляя складки на подоле.

– Хорошее, я же тебе уже говорил.

– Хацкель, ты не мог его видеть, оно новое!

– Жена, ты мне нравишься в этом наряде, а без него еще больше, – пошутил Хацкель и шлепнул Беллу по задку.

– Вот паразит! Столько лет, а все туда же! Когда только уймешься?

– Когда умру.

– Сынок, не говори маме грустно! Только после меня и через много лет, дай Бог вам многие годы семейного счастья. Жить начинаем! Посмотрите, какого мальчика сродили и вырастили!

Не успела бабушка закончить речь, как Фима уже появился в кухне. Он был в выходном костюме, который еще в прошлом году сидел на нем впитык.

– Красавец! – похвалил сына Хацкель, осматривая его с головы до ног. – А ну, подойди поближе. Похоже, наш Мурчик успел поспать на твоих штанах.

Хацкель поплевал на руки и принялся неторопливо собирать с одежды кошачью шерсть.

– Вот, так-то приятнее на тебя глядеть. Дай заодно и ботинки ваксой натру. Будут как новенькие блестеть. Подрос сынок. Рукава с брюками уже коротковаты, но ничего, Фимка, сегодня потерпи, а к свадьбе все новенькое пошьем.

– Всем на загляденье мой внук! – добавила невпопад Фрейда, выходя из-за тряпичной занавески.

Все разом повернули головы. Бабушка стояла при полном параде, явно довольная собой, и величественно, словно императрица, глядела на родственников. Бордовая юбка в елочку, передник, белая блуза с окорокообразным пышным рукавом у плеча, а главное – корсаж с болтающимися на нем шнурками. Но не шнурки вызвали возмущение родных, а многослойный головной убор, состоящий из чепчика, покрытого тонким платком, который, в свою очередь, был обмотан кружевной волосяной лентой – харбиндом и нашитыми на него искусственными волосами.

– Мама, благодарите Бога, что вам уже далеко за шестьдесят, а если бы раньше – готовьте сборщикам налогов пять рублей и «большое здарсьте» за ваш немного потрепанный парик, – пошутил Хацкель.

– Мама, и то правда! Зачем вы напялили на себя это старье? Сейчас уже никто так не ходит. Свисающие на спине ленты от харбинда вас не красят. Может быть, без них попробуете?

– Это вам моды важнее традиций, а мне осталось жить три субботы. Так все еврейские женщины носили, моя мама носила, и я тоже буду носить до конца своих дней. А что плохого в наряде? Наши предки были не дураки и тоже понимали в прелестях. Раз тут много, – похлопала себя Фрейда по бедрам, – значит, и на голове не должно быть пусто. Повыше и побольше – хорошо для равновесия. Я человек старый, но понимаю, мода на то и дадена, чтобы человека улучшать.

– Ах, выглядите как хотите, – махнула рукой Белла и принялась затягивать свекрови корсаж.

– Вы побыстрее разбирайтесь со шнурками и выходите, – поторопил женщин Хацкель. – Наверное, Лея с Барухом уже подъехали и ждут нас у ворот. Пойду посмотрю да соломы в телегу подброшу. Путь-то не близкий, растрясет вас за дорогу, мама.

К моменту выезда со двора туман почти рассеялся. Осеннее солнце неторопливо ползло вверх по небу, вытесняя хмурость прохладного утра. Вскоре дымчатая вуаль окончательно

исчезла, и бескрайняя разноцветная даль явилась взору во всей своей красоте. Такое величие можно было сравнить разве что с ларцом, доверху набитым самоцветами. За какую-то пару недель природа изменилась до неузнаваемости. Рубиновыми звездами загорелись кроны пышных раскидистых кленов, и не было им во всей округе равных по яркости. Глядя на них, вечно дрожащие осины забыли о страхе и облачились в наряд из красной пятнистой яшмы. Могучие дубы, словно соревнуясь с солнцем, обильно осыпали прочные кряжистые ветви лучистым янтарем, а куст дикого шиповника запылал сердоликом. Так и хотелось протянуть руку и собрать все до единой ягодки! Но не тут-то было! Самоцветы прятались под надежной охраной крепкой серебряной паутины. Словно бриллиантовое кольцо, ниспадало оно с тонких колючих веток. Капельки росы сверкали разноцветными бликами и манили в смертельную ловушку осоловелых и бестолково летающих мух. Как зерна благородного граната, переливались ягоды калины на высушенных солнцем прутьях. Березы-транжиры, нацепив на тонкие ветки по сотне маленьких золотых монет, гнулись до земли от тяжести. Стоило подуть легкому ветру, и они без всякой жалости расставались с накопленным за лето богатством. Лимонный, желтый, багровый, малиновый, красный! Какая роскошь цветовой палитры! И только луговые травы смиренно принимали уход лета, в знак своего согласия поменяв изумрудную драгоценность на сдержанное благородство коричневатого-желтого оникса.

– Фима! Фима! – испуганно закричала Фрейда после часа езды. – Ты наверняка забыл гребень!

– Бабушка, я его с вечера завернул в шелковый платок и положил в карман пиджака.

– А может, ты уже выложил и забыл? Покажи, чтобы бабушка сидела себе спокойно и дальше думала за твое будущее.

Фима нехотя вытащил сверток из кармана, демонстративно потряс им в воздухе и тут же спрятал обратно.

– Белла, а где медовый пряник? Ты его положила?

– Положила.

– Как пить дать, в сумку! Если ты его положила в сумку, то все... Все, считай, подарка нет и можно возвращаться домой!

– Мама, зачем мне его пихать в сумку? Он там сломается и будет конфуз! Посмотрите на противень рядом с собой и ехайте уже тихо.

Фрейда нащупала рукой накрытый полотенцем железный лист и с облегчением вздохнула.

– Мама, вы бы за водку лучше побеспокоились, – пошутил Хацкель. – Как без нее разговор вести будем?

– Мама об этом беспокойство имела и взяла бутылку еще тогда, когда вы думали неизвестно о чем. Все ждет торжественного часа.

Вскоре под глухой стук лошадиных и воловьих копыт Разумовские и Мардуковичи подъехали к дому Блюменфельдов.

Хацкель неторопливо слез с телеги и окинул взглядом двухэтажный деревянный дом предполагаемых родственников.

– А что, очень даже неплохо. Дом хоть небольшой, но выстроен из добротных бревен. Крыша простая двускатная, зато наличники резные и мезонин имеются. Фима, как тебе начало?

– Хорошо, – нерешительно произнес жених, явно робеющий от предстоящих событий.

– Женщины, слезайте с телеги и подмогните нашему парню, пока он не передумал. Мне кажется, он немного побледнел. Подарки не забудьте. Мы с Барухом скотину привяжем и сразу за вами. Конечно, неизвестно, как нас здесь примут, но надежду иметь будем.

– Будем-будем, – поддержал друга Барух.

Пока сваты решали, в какой последовательности заходить в дом, занавески на окнах то и дело раскачивались в разные стороны, скрывая от гостей любопытные взоры хозяйских дочерей. Разглядеть кого-либо за ними не было возможности, поэтому все старались делать безразличный вид. Наконец-то, Хацкель набрался храбрости, поправил картуз и постучал в дверь.

– Здрасьте, люди, вашей хате! До невесток тут богаты? Разрешите в дом войти, хлеба с медом поднести. Не одни мы, а с купцом. Он у нас красив лицом.

– Ежели так, то заходите. Невесты у нас есть! Какая вам нужна? – послышалось в ответ.

– Нужна самая лучшая и красивая! Здесь живет такая? – подыграла сыну Фрейда.

Она подправила концы расшитого рушника, на котором красовался пышный каравай, и продолжила начатую речь: – Сначала мы хотим взглянуть на невесту и уж потом, если все сладится, будем делать ворт¹⁴.

Шимшон, до этого стоявший молча в стороне, пригласил гостей пройти в комнату. Сваты неторопливо расселись по скамейкам, расставленным вдоль стен, и все как один замерли в ожидании. Неловкое молчание нарушила Белла:

– Не томите, покажите девушку. Конечно, если она волосы расчесывает, жениху понравится желает, то мы согласны подождать, а если...

Не успела Белла высказать свои худшие предположения, как Мэри мягкой поступью вошла в комнату и встала возле печи.

Фиминой невестой оказалась невысокая девушка с темными густыми волосами, заплетенными в две толстые косы. Несмотря на скромное телосложение, у нее была красивая грудь и довольно округлые бедра, которые очень выгодно подчеркивало скромное, слегка расклешенное платье. Длинный, почти до подола белый шелковый фартук с голубыми лентами был туго повязан вокруг узкой талии. Опрятная молчаливая девушка излучала целомудрие и покой. Она не стеснялась незнакомых людей, дотошно разглядывающих ее со всех сторон, и не отводила глаз, в отличие от других невест в подобной ситуации, застенчиво стоящих у стены и колуپающих пальцем извести, дабы казаться кроткими. Напротив, Мэри окинула гостей взглядом, с интересом посмотрела на жениха и мило улыбнулась.

– Фима, она мне нравится, – прошептала довольная бабушка внуку. – Очень нравится. Забудь все, что я тебе раньше говорила. Соглашайся, и все тут. – А ловка ли в делах ваша дочка? – как бы невзначай спросила Фрейда родителей. – Может, она неумеха или ленивица?

– Да ни разу в жизни наша Мэри не спала до обеда, – заступилась Роза. – Чуть свет – уже на кухне помогает, а в свободную минутку иголку из рук не выпускает. Доченька, принеси вещи, тобой вышитые.

Не успела Мэри и шагу сделать, как сестры одна за другой начали выносить приготовленные для смотрин рушники, скатерти, ленты, расшитые красно-черным узором.

– Какой хороший вкус у вашей дочери! – нахваливала девушку Белла, рассматривая вышивку. – Стежки мелкие, аккуратные, так и бегут по ткани. Не каждая женщина возьмется за такие сложные рисунки. Прямо под стать нашему сыну. Фима тоже мастер замечательный. Сынок, покажи и ты свою работу.

И без того стеснительный Фима залился румянцем. Дрожащими руками он вытащил из-за пазухи белый шелковый платок и протянул Мэри.

– Посмотри, это я сделал для тебя.

Мэри неторопливо развернула тряпицу и ахнула.

– Ничего подобного раньше не видела! Папа, мама, посмотрите, какая красота!

Она тут же переплела косы между собой и ловко их уложила вокруг головы, прихватив концы гребнем, отчего стала еще больше похожа на мать.

¹⁴ Ворт – договор, условия помолвки.

– Доченька, шикарная вещь! Это прям маленькая корона. Такие только принцессам во дворцах делают. А цветочки-то подобрал под цвет твоих голубых глазок! – восхищалась Роза. – Наклонись, хочется поближе красоту рассмотреть.

Мэри слегка присела перед родителями. Лицо Шимшона удивленно вытянулось, двойной подбородок расправился, глубокая складка на переносице исчезла, а грустные глаза наполнились влагой.

– Мэрька, стрекоза моя, ты у нас и без гребня самая красивая, – произнес он, целуя дочь в макушку.

Мэри закрыла лицо руками и убежала в другую комнату.

«Только бы не переделалась в будничное платье, – подумала Фрейда, тревожно поглядывая на отца невесты. – Знаем мы такие выкрутасы. Шас выйдет с тыквой на рушнике и от ворот – поворот. Вот сраму-то будет! И этот старый хрен, пойми теперь, на какой ответ ее подтолкнул. Хотя нет, глаза у него беззлобные и губы толстые, а это признак. Не похоже, что наш Фимка им противен. Хоть бы согласилась. Дочка у них славная, жалко, если откажет».

Через пару минут Мэри вышла из комнаты в прежнем платье и с подарками для гостей. Разумовские облегченно вздохнули.

– Примите и от меня благодарность, – ласково произнесла она и протянула Хацкелю с Барухом самотканые пояса. – Женщинам – по платку, а для Фимы отдельный подарок – расшитую шелком кипу.

– Какая внимательная у вас дочка, – нахваливала Лея девушку. – Постаралась, никого не забыла, всех одарила вниманием.

– Ну что, уважаемые гости, просим за стол, – пригласила сватов взволнованная Роза. – Откушайте нашего чаю.

Фрейда с радостью выставила на мужскую половину стола бутылку водки, медовый пряник, испеченный накануне Беллой, и каравай.

– Ну что ж, как и положено, перед едой склоним головы в молитве. Реб Шимшон, вы – хозяин дома, попросите благословения на пищу, – предложил Хацкель, зная о набожности будущего тестя.

– Благославлен Ты, Господь наш, Владыка мира, сотворивший разнообразные виды пищи, которые насыщают нас каждый день, – произнес Шимшон с благоговением. – Амен.

«Амен», – повторили все и дружно приступили к еде.

Вкушали пищу не торопясь, пробуя понемногу каждое блюдо, нахваливая гостеприимных и трудолюбивых хозяев. Говорили обо всем, но только не о приданом.

– А ваш Фима случайно не выпивает? – поинтересовалась Роза.

– Тю! Он эту отраву на дух не переносит, да и некогда ему. Он же все дни трудится. Если бы вы поглядели, какие вещи он делает! – восхищенно закатила глаза Белла. – Хотя, что я такую глупость сказала, сама не знаю почему. Гребень видели? Вот, оно тому доказательство!

– Красивая работа, нечего сказать, – подтвердил Шимшон.

– Я почему спросила, – вернулась к разговору Роза, – опасываюсь я. К нам частенько заходит за сметаной Лиза Кульберг, та, что недавно отдала свою дочь за Йосю Гелера. Так он в трезвом виде человек хороший и пальцем ее не тронет, но как только примет стаканчик-другой, бьет всем, что под руку попадает: палкой, кулаком, сапог с ноги запустит или пинка даст. В последний раз сломал об нее рогач и злился, мол, теперь чинить придется. Вот ведь как бывает.

– По этому вопросу спите и не вздрагивайте, уважаемая мамаша, – успокоила Розу Фрейда. – Наш мальчик ласковый и тихий. Мэри с ним горя не будет знать, можете мне поверить и легко выдохнуть от того, что я вам сейчас сказала.

После пары выпитых рюмок напряжение за столом спало, и Хацкель решился спросить, кто будет из уважаемых людей присутствовать на заключении договора. Не успел Шимшон дать ответ, как в дверь постучали, и на пороге появился худой седовласый раввин.

– Ну, вот, – обрадовалась Роза, – теперь можно заводить разговор на серьезные темы.

– Мы для Мэри ничего не пожалеем, – начал Шимшон, расправляя рукой измятый листок со списком вещей, – и готовы дать за нее двести рублей деньгами, пуховую перину, ватное одеяло, две больших подушки, одну маленькую, десять рушников, две скатерти, платье черное, две юбки, три кофты, платье обычное, одно нарядное, две пары обуви и пятнадцать пар чулок. Вот. Устраивает такой расклад?

Все Разумовские, кроме Хацкеля, одобрительно закивали. Фрейда строго зыркнула на сына, и он нехотя согласился.

– С нашей стороны не меньше вашего. Я скажу за приданое, а вы таки послушайте, как мы желаем счастья молодым. Дом бревенчатый даем за сына и стол с кроватью, – гордо произнес Хацкель и сделал небольшую паузу, чтобы посмотреть на реакцию присутствующих.

Блюменфельды и раввин одобрительно закивали и начали активно перешептываться.

– А еще шляпу с ермолкой, шапку теплую, обшитую собольим мехом, и пока все. С Фимиными способностями они сами быстро наживут, что им будет нужно, но сначала наш мальчик вернется с учебы. Для проживания в достатке до конца своих дней надо получить образовательную бумагу. Конечно, дать хорошую специальность зятю – ваша обязанность, уважаемый Шимшон, но раз такая редкая способность ему досталась от меня, ответственность с себя не складываю, беру эту заботу и обещаю отправить сына в Киев на обучение. Мэри все это время будет жить и питаться в новом доме, под нашим присмотром. Если такой расклад устраивает и вы хотите дочери счастья уже сейчас, то попросим уважаемого раввина подтвердить наш ворт и пообещать, что до совершения хупы все перечисленное вами приданое будет храниться у него.

– Подтверждаю, – охотно согласился раввин. – Подтверждаю, что все вышесказанное родственниками должно строго выполняться. В случае расторжения помолвки одной из сторон будет взиматься штраф в размере половины стоимости приданого. Особых препятствий для размолвки не вижу. У матери мужа с невесткой имена разные?

Все кивнули.

– Выкрестов и сумасшедших в роду не имеется?

«Боже упаси!» – замахали руками родственники.

– Жених с невестой друг другу понравились?

Фима с Мэри тихо сказали «да» и застенчиво улыбнулись.

– Вот и замечательно.

На этих словах Лея по еврейскому обычаю тихонечко спихнула со стола фарфоровую тарелку. Она звонко ударилась об пол и разбилась.

– Как невозможно собрать воедино разбитую посуду, так невозможно расторгнуть сегодняшний договор, – закончил свою речь раввин.

– В добрый час! – воскликнули присутствующие и захлопали в ладоши.

Глава 7

Возвращались домой в приподнятом настроении. Чтобы обсудить все до мелочей, женщины отправили подвыпивших мужей на воловье повозке, а сами поехали на лошади.

– Беллочка, как все замечательно прошло! – восхищалась Лея. – Когда к Блюменфельдам ехали, я всю дорогу боялась зайца повстречать. Думаю, хоть бы не выскочил окаянный. Увидишь его – удачи не жди. Обошлось. Мне показалось, Фима уже влюбился, или я ошибаюсь?

– Какой там «ошибаюсь»! Наш тихоня с Мэри глаз не сводил. Так влюбился, что аппетит потерял. Прямо ничегошеньки за столом есть не хотел. Не зря мы их отправили погулять. Молодые должны получше узнать друг друга еще до свадьбы, чтобы потом сердечных разочарований от внезапности не было. С улицы совсем другие пришли – румяные, все переглядывались со значением.

– В такую девушку нельзя не влюбиться, – поддержала Фрейда. – Даже не хочу по-другому думать, мой внук тоже, слава тебе Господи, понравился невесте. Умница раскрасивая, глаза голубые, как два чистых озера. Ни одной глупости за весь день не сказала. А услужливая какая! Я же специально попросила завернуть мне в дорогу кусочек пирога, а она отдала все. Не признак ли это мудрости! Чудесная жена будет у моего внука. Если она с первого дня хочет нам понравиться – это залог счастливой жизни, а потом и любви.

– Мама, лучше, когда любовь сразу появляется.

– Вот глупая женщина! Любовь с первого взгляда только в сказках бывает. Ее в себе нужно взращивать. Она же как зернышко. Если упадет в непрогретую землю и проклюнется, нежный росточек возьмет и погибнет от холода. Любовную почву подготавливать нужно, времени правильного дожидаться да следить, чтобы сорняк не забил молодую поросль. Нет, Белла, все должно быть разумно. Очень правильно, когда молодые первые годы живут с родителями. Вон, погляди на нашего Фиму! Шо оно самостоятельно может, кроме своих поделок!

– Мама, зачем поганите такой день! Едем радостные, а вы ребенка обижаете, про сельское хозяйство начали рассказывать, зерна с любовью смешивать. Оно вам надо? Вы всегда хотите думать, что молодые в жизни ничего не понимают. Отпустишь их одних жить, а они через неделю разругаются. Да?

– Да! Не только так думаю, но и знаю. Жила бы ты счастливо, не вправляя я мозги своему сыну? Скажешь, тебя мать не учила угождать мужу, терпеть, лишнего не говорить ему под горячую руку? То-то же! Без терпения и наставления родителей никак нельзя. Так я что хотела сказать? Ах да! Понравились мне Блюменфельды. Семья набожная, трудолюбивая, а потому у них в семье достаток и дочки ладные.

– Мама, откуда вам про их достаток знать!

– Как откуда! Ты же сама видела, как они гостей принимают! Самовар с подносом чистенькие, аж переливаются. На отдельном столике поставили, со скатерочкой белой, цветами расшитой. Отдельный столик для самовара – это и есть достаток. Я слыхала от женщин на базаре, что точно так в городах чай пьют. Заварка вон какая вкусная была! Дорогая, но на чайник не жадил, до темного цвету запаривали. Дух ароматный от стаканов шел! В жизни такого не пила. Разольют по чашкам и снова заварник на самоварную корону ставят для подогрева. Все по правилам, как мне нравится.

– Это точно, – подхватила Лея. – Хоть и не в городе живут, а манеры у них имеются. Деревянной ложки ни одной на столе не было. Для чая малюсенькие положили, аж в руку взять страшно.

– Это из экономии, наверное, чтобы гости много не зачерпывали из стаканов.

– Нет, мама, это для культуры. А вот наколотый мелкими кусочками сахар – это для экономии.

– И правильно. Они же не знали, какие люди к ним приедут. Вдруг мы похабничать начнем, по-много откусывать? А так сточил зубом крупинки – и размывай их горячей водичкой. Нет, все правильно было сделано. Сколько уважения нам оказали! После первой кружки полотенце дали пот утирать. А как Мэри каравай разрежала! Прямо вспомню, и сразу слеза наворачивается: «Режу хлеб, даю обет, но и вы меня примите как родное дитя». Первый кусок кому дала? Тебе, Белла, дала и Хацкелю, второй – гостям, третий – родителям и только последний себе с Фимой. Какая умница! Хоть бы они счастливы были.

– Обязательно будут, уважаемая Фрейда, даже к бабке ходить не нужно. Вы видели, какой пышный бисквит в торте был?

– Не только видела, но и с удовольствием пробовала! Очень медовик замечательный получился.

– Вот, а я вам о чем говорю, если торт получился высокий, слои в нем легкие – это верный признак будущего семейного счастья.

– Тогда я спокойна за внука, а за сына расстраиваюсь. Удумал в среду свадьбу справлять!

– А зачем ему это? – поинтересовалась Лея.

– Прямо не знаешь зачем! Шобы в четверг можно было в суд подать, ежели их дочь окажется не девственницей. Это ж надо усомниться в Мэри, адиед эдакий! Понимаю, когда свадьбу назначают после шаббата: совместил с субботним обедом – и сэкономил, но со средой точно перегнул палку. Можно подумать, Блюменфельды такие дураки и не поняли, куда он клонит. Стыд какой! Прямо было желание долбануть ему ложкой в лоб, да праздник не хотела портить.

* * *

Свадьбу решили справлять во второй половине января. По всем канонам время для брака благоприятное, да и забот по сравнению с летом не так много. Подготовку к торжеству решили начать с пошива праздничной одежды для всех членов семьи. Больше недели ушло на придумывание фасонов. Как и следовало ожидать, мужчины к этому вопросу отнеслись со свойственным им спокойствием и даже обидным безразличием. Женская фантазия, напротив, не знала границ! Утро в доме начиналось со слов «я вот что подумала...», после чего следовало подробное описание увиденного во сне платья. Каждый день наряды изменяли цвет, фасон, крой, и это продолжалось бы неизвестно сколько, если бы Хацкель не сказал твердое «ша». Он вышел во двор, запряг лошадь и уехал в соседний город узнавать, какому портному можно доверить пошив одежды. Вернулся глава семьи домой после захода солнца слегка подвыпившим и в приподнятом настроении. Со словами «завтра едем заказывать платья» он демонстративно вытащил из сапога измятую газету, сел рядом с лампой и, пока Фрейда разогревала ужин, стал читать вслух объявления:

– «На улицах города появились пьяные. Бойтесь пьяных и не толпитесь возле них». Это мы и без них знаем, но предупреждение правильное. «Лучший подарок предусмотрительного отца семейства – составить полис на случай смерти, обеспечивающий близким безбедное житие в период временных семейных неудач...» Вот вам! – ткнул Хацкель дулей в газету. – Смертью они меня пугают. У меня сын жениться собрался, а они мне про сбережения после жизни толкуют. А вот этот пункт сильно нам сейчас подходит. «Страхование приданого». Подумаем над вашим предложением, представитель компании «Лафонтен». «3 рубля вознаграждения тому, кто укажет местонахождение или доставит ушедшую в феврале рыжую лошадь маленького роста». Ишь ты, ищи дураков! Приведешь потерю, а они тебе кукиш покажут.

– Зачем о людях плохо думаешь? – возмутилась Белла. – Человек в газете письменно и при всех обещает дать денег. Неужели он после этого может обмануть?

– О-о-о, с твоим доверием вот по этому адресу нужно! «Хиромантка верно определяет по руке и картам прошедшее и будущее, дает советы за рубль с девяти утра до пяти вечера по улице Пробойная, дом пять».

– А я бы сходилa, – вставила веское слово Фрейда. – Очень хочется узнать, что интересного ожидает нас в будущем.

– Но сначала, для верности, спросите ее, чего такого интересного у нас было в прошлом, – добавил с усмешкой Хацкель. – Вы, мама, как я посмотрю, не одиноки с моей женой. Случайно, вы не сестры вот с этой дамочкой? «Прошу вора, укравшего у меня восьмого марта все вещи на улице Румянцевской, сжалиться и прислать хотя бы документы и фотографические карточки. Они мне дороги как память. Посылать нужно на фамилию Л. Штейн». Пришлет, прям щас уже вижу, что обязательно сжалится, пойдет купит конверт с маркой и пришлет Лизоньке, Любочке или Лорочке Штейн ее утерянную память на фотокарточках. Кстати, а вот это правильная мысль! Когда поедем к портному, обязательно сфотографируемся всей семьей. Тут как раз объявлением приглашают: «Открыта новая фотография. Цены умеренные, исполнение заказов аккуратное. Съёмки производятся ежедневно и в любую погоду с девяти утра до шести вечера. Салон фотографа Либман находится на центральной площади рядом с торговлей крупчаткой Лопухина. Заходите и убеждайтесь». Спасибо, мил человек. Прям завтра и зайдем. Салон у тебя новый, а значит, дорого ты не возьмешь. Жди нас, господин Либман, с девяти до шести в количестве четырех персон.

– Сынок, какой ты смешной, когда выпьешь! Поешь и иди спать. Завтра расскажешь, куда нам надо.

* * *

На следующий день после плотного завтрака Разумовские отправились в текстильную лавку купца Жилкина. По сравнению с другими магазинами цены на товары у Петра Евстафьевича были самые демократичные в силу того, что большинство продукции он сам же и производил. Магазин был пристроен к каменному двухэтажному зданию фабрики, где на первом этаже находились колотильня с пряжей красильней, а на втором – шпульня с голандрой для плющения свежесотканых холстов. Сновальные машины стучали наперебой, накручивая материю на пузатые барабаны, из окон мыларни струился густой влажный пар, и запах краски разносился по всей округе. Все это совершенно не отпугивало покупателей, а даже напротив. Покупатели знали, что текстиль Жилкина хорошего качества, не залежалый в подвалах, а значит, и носиться будет долго.

Разумовские по очереди стряхнули грязь с обуви и, пропуская вперед маму Фрейду, не торопясь зашли в лавку. Магазинные полки ломились от товара. Разноширокая пестрядь, тик, равендук, лен, миткаль, коленкор, бязь были аккуратно разложены елочкой на стеллажах. Рулоны с шерстяными ворсистыми тканями хранились в вертикальном положении, чтобы ткань не слеживалась под тяжестью собственного веса. Дорогие заграничные шелка, бархат, люстрин, колониальный ситец с парчой и коновать лежали неподалеку от продавца. Хоть покупатель и был в уважении, но привозной товар стоил немалых денег, а потому негоже всем подряд его руками тискать. Разноцветные ленты, кружева, булавки, пуговицы, крючки, атласная тесьма и многие другие мелочи, без чего никак не обойтись портным, красовались в плетеных корзиночках под стеклом от соблазна нечистых на руку покупателей. Для нервных мужей и уставших посетителей у окна под пышным фикусом стояли три венских стула и столик с журналами мод. Дамы, измученные широким ассортиментом и ограниченными возможностями кошелька, время от времени присаживались к мужьям для отдыха и совета, чтобы уже через несколько минут с новыми силами идти на штурм текстильных рядов.

Зайдя в лавку, Фрейда окинула взглядом торговый зал и слегка растерялась, решая, с чего начать выбор. При виде новых покупателей приказчик отложил в сторону счета и, за неимением свободного продавца, взял на себя обслуживание вновь прибывших клиентов.

– Мадам уже знает, чего желает, или просто посмотреть? – обратился он к Фрейде.

– Мадам хочет купить, в чем будет не стыдно выглядеть. Не тратьте на меня время, уважаемый...

– Семен Михайлович Шванц, – представился приказчик.

– ...Семен Михайлович. Если бы вы знали, какие хлопоты надвигаются на нас! Наш мальчик хочет жениться...

– И молодому человеку понадобится приличный сюртук, – подытожил Шванц.

– Вы очень догадливы, как я посмотрю. А если так, то помогите ему быть красивым на собственной свадьбе. Доставьте радость бабушке. Белла, – обратилась она к снохе, – мне нравится этот магазин. Здесь есть чем порадовать глаз. Сколько богатства в одном помещении!

Приказчик снял пенсне, подкрутил и без того тонкие усики и направился к Фиме.

– Ты смотри-кась, шустрый какой, – покачала головой Фрейда. – Шчас обедеет нас вокруг пальца и, как пить дать, сделает это красиво. Господин хороший, – вновь обратилась она к продавцу, – надеюсь, у вас совести столько же много, сколько и ума. Подберите мальчику приличный штоф и не заставляйте нас волноваться раньше, чем мы увидим красивый счет.

– Будьте-таки спокойны за свой кошелек и любимого внука, мадам! Уверяю вас, вы останетесь довольны. Посмотрите на родителей жениха и сделайте такой же спокойной.

Приказчик аккуратно взял под локоть Фиму и повел к полкам с шерстяными тканями. Фрейда не спускала глаз с жуликоватого вида работника торговли. Вопреки ее ожиданиям, он начал с дешевых материалов. Продавец одну за другой прикладывал ткани к Фиминому плечу, предлагая родственникам взглянуть на «преобразившегося молодого человека». При этом он обращался только к Фрейде, видя в ней источник неприятностей и угрозу дневной выручке.

– А как вам этот штоф? – в очередной раз поинтересовался у Разумовских. – Я всего лишь слегка приложил к фигуре, а он так лег, что остается только пришить пуговицы, и ходите себе на здоровье. Мадам, обещаю, будет шик!

– Покажите еще парочку, и мы определимся, – попросила Белла.

– Всенепременно!

В одно мгновение приказчик оказался на стремянке и вытянул с верхней стеллажной полки рулон красивой черной ткани с едва заметным синеватым отливом. Отработанным движением он раскатал ткань по длинному столу и ласково провел рукой по мягкому ворсу.

– Вот, английская шерсть высшего качества! Специально держим для клиентов с утонченным вкусом, – торжественно произнес он, зная, что выкладывает главный козырь.

– Щикарный штоф, шобы вы были мне всегда здоровы! Внук, это то, что нам нужно! И зачем только тратили время на всякую ерунду? – возмутилась бабушка.

– Мадам, вы должны иметь сравнение, а иначе радость от покупки не будет полной.

– Жулик! – весело отмахнулась от продавца Фрейда. – Мы хотим иметь эту ткань на пальто, а из того отреза, что вы показывали нам раньше, выйдет приличный сюртук.

– Прекрасно, одобряю ваш выбор и прошу взглянуть еще вот сюда, – интригуяюще произнес продавец, выкладывая из коробки белые сорочки.

Льняные, хлопковые, шелковые, с классическим воротником и повседневным «мандарином», в полоску, елочку, накрахмаленные и мягкие, почти воздушные предстали взору неискушенных покупателей.

– Какая роскошь! – только и смогла вымолвить Белла.

– Мадам, вы абсолютно правы. Последние французские моды.

– Это нам не по деньгам, – сказал, как отрезал, Хацкель и направился к выходу.

– Напрасно ваше беспокойство, папаша. Я упомянул французские моды, но это не значит, что мы не умеем шить. Наши мастера не хуже ихних умеют положить ровную строчку.

– Ну, коли так, то вот эту, с красивым отложным воротом, припиши к общему счету.

– Всегда пожалуйста, но я бы не рекомендовал торопиться с выбором. К короткой шее подойдет плоский или низкий воротник, а чтобы картина была, так сказать, полной, к сорочке имеется парочка прекрасных пластронов.

На этих словах он вновь нырнул под стол и вытащил картон с разложенными по цвету узкими полосками шелковой ткани с остроугольными концами.

– Так сказать, галстуки для официальных церемоний.

– Белла, – прошептал Хацкель, – если мы сейчас отсюда не уйдем, нам грозит нищета.

– О цене можете не беспокоиться. Я вам обещал хорошее настроение, и оно уже начинается. Исключительно для вашей приятной семьи скидка пять процентов на все, что вы сегодня у нас приобретете.

– Ну, раз уж вы заикнулись, то десять процентов вниз, и мои женщины купят у вас отрезы на платья и кружевные чепчики.

– А еще атласные ленты с крючками и шнуровкой, – добавила Белла.

– Я сам такие вопросы не решаю. Мне нужно посоветоваться с хозяином, – с фальшивым сожалением произнес приказчик и скрылся в подсобке. Через минуту, не дав семье Разумовских опомниться, он вновь предстал перед ними с заискивающей улыбкой.

– Хозяин согласился на семь процентов и только из симпатии к родителям жениха. У него, видите ли, тоже свадьба намечается, поэтому ему очень близко и понятно ваше хлопотное положение.

– Какой удачный день, Хацкель. Давай здесь купим все и не будем ходить по другим лавкам.

– Жена, единственный раз соглашусь с тобой, и то потому, что нет у меня желания смотреть еще раз, как продавцы в следующей лавке будут также обдирать нас до последней нитки.

За все время Фима не проронил ни одного слова, а только внимательно слушал и улыбался, словно происходящее совсем его не касалось.

Глава 8

Вопреки ожиданиям Хацкеля, женщины довольно быстро нашли то, что им было нужно. Уже через пару часов они вышли из магазина довольные и с большими бумажными свертками, перетянутыми шпагатной веревкой. Центральная улица пестрела рекламными вывесками, заманивая доверчивых покупателей всевозможными способами. На одном из них девушка ангельского вида со словами «Дедушка, кури» предлагала бородавотому старцу папиросы «Нарзан», ласково прижавшись к нему пухлой розовой щечкой. Плакат на лавке Фридкивича настаивал на том, чтобы родители, желающие отучить детей курить, посоветовали своим чадам покупать только их гильзы, потому как они производятся без прикосновения рук и самые гигиеничные в мире. Кондитерская заманивала печеньем, конфетами, баранками и мармеладом товарищества «Абрикосов и его сыновья», аптеки настаивали принять вкусное, нежное и очень надежное слабительное средство, а на ночь пилюлю «Ара», чтобы утром с Богом идти на работу, но предварительно помыв голову мылом провизора Остроумова, от которого исчезает перхоть и вырастают пышные усы. Магазин женских товаров купца Лапина обольщал красавиц корсетами и брустень-галтерами, пошитыми по последней парижской моде. По соседству с ним врач Смирнов принимал всех глазных больных. Тугоухим рекомендовали обзавестись искусственной барабанной перепонкой «Здравый смысл», и все это за небольшие деньги, в короткий срок и, естественно, высокого качества. Жизнь в городе кипела, заставляла идти в ногу со временем, призывая не оставаться в стороне и жить полноценной здоровой жизнью. По разбитым мостовым громыхали повозки, извозчики кричали на зазевавшихся прохожих, шустрые мальчишки продавали стаканами воду, газеты и прочую дребедень. Все это было суетно и даже пугающе для местечкового жителя, привыкшего к размеренной неторопливой жизни небольших поселений.

Хоть ателье Моисея Вульфсона и находилось всего в десяти минутах спокойной езды на повозке, запряженной лошадью, этого времени хватило, чтобы голова у Фрейды пошла кругом от переполнявших ее эмоций. Фима же, напротив, был абсолютно счастлив и с радостью глазел по сторонам. Он увлеченно рассматривал яркие вывески на магазинах и привлекательных барышень, которые, как бабочки, кружились у разноцветных стеклянных витрин, рассматривая товары зимнего сезона.

– И как они в такой суете живут! – сетовала Фрейда. – Все куда-то бегут, толкаются. Никто «здрасьте» не скажет.

– Мама, это же город! Здесь тысячи людей, – попыталась объяснить Белла. – И что, им со всеми знакомиться? Поди-кась, сосед соседа толком не знает.

– Вот, это и плохо. Знали бы, добрее были. Смотри, с какими лицами все ходят. У нас в местечке беда или радость случается, кто первый узнает?

– Раввин или соседи.

– Правильно, Беллочка. А здесь куда идти? К кому обращаться? Бегут, портфельчики с бумажками в руках тискают, а сами смурные, будто их обидели. Попробуй, расскажи им про свою нужду. Они и слушать не станут! Я сейчас о своем подумала: как сироте в городе замуж выходить? Она же одна-одинешенька на всем белом свете! Кто ей приданое подготовит, о платье новом позаботится? В штетлах¹⁵ люди всем миром для бедняков жертвуют. От каждой семьи по возможностям дают, по совести. А в городе на ком забота будет, если никто никого не знает! Кому доверить деньги собирать?

– Мама, вы за это не беспокойтесь! Синагоги в центрах побогаче наших будут. Не оставят сироту без внимания, – пояснил Хацкель.

¹⁵ Штетл – «городок», еврейское местечко.

– Ну если так, то я буду другое мнение иметь. Чудно здесь, сынок! Огородов нет, хозяйства не держат, а люди одеваются богаче. И на что только живут?

– Мне их статью расходов тоже трудно понять, а вы, мама, не морочьте себе голову чужими проблемами, лучше о своих позаботьтесь. Фасоны с Беллой окончательные придумали или сейчас начнется?..

– Хацкель, ехай себе спокойно и не думай за наши платья. Хороший портной поймет и все устроит. Мы знаем, чего хотеть, а он знает, как это сделать! – успокоила мужа Белла.

Моисей Вульфсон и впрямь был хорошим мастером, одним из тех, кто учился ремеслу у голландцев. В двенадцать лет от роду родители отдали его обучаться ремеслу не потому, что он сильно хотел, а потому, что место ученика портного было свободно. Хозяин кормил, поил, лупил чем ни попадя за любую провинность. Два года он мыл полы, топил печку, следил за железными утюгами, чтобы не остывали, и только на третьем году его начали вводить в курс дела и доверять самую простую портняжную работу. Четыре года он спал в мастерской вместе с другими учениками и подмастерьями. Штаны с рубахой носил из холстины, обувь – из сыромятной кожи с онучами. По договору родители должны были сами заботиться о его одежде, поэтому не приходилось рассчитывать на то, что хозяин выдаст костюм из фабричной ткани. Несмотря на трудности, Моисей проявлял усердие и имел большую склонность к швейному делу. Из подмастерья он довольно быстро перешел в мастера и уже имел право носить униформу. Питание оставалось все таким же плохим, как и отношение хозяина к работникам, поэтому после учебы Вульфсон нашел себе место в магазине женской одежды. С этого момента его жизнь окрасилась более яркими красками. Имея от природы хороший вкус и коммерческую жилку, он быстро заработал прекрасную репутацию у клиентов, а вместе с ней и уверенность в том, что нужно повышать мастерство.

На его счастье, через несколько лет работы на новом месте магазин был продан голландскому портному. Одному из тех, кто по императорскому указу когда-то приехал обучать славянских коллег искусству кройки и шитья на западный манер. Конечно, в отдаленных от столицы городах иностранная культура приживалась не так быстро, но, глядя на заезжих мастеров, местные портные трудились в поте лица, прививая населению «мерзкие новшества». К тому времени женщины уже не представляли свой гардероб без европейского платья, некогда считавшегося верхом неприличия, а их мужья с удовольствием носили униформу и ничем не отличались от служащих в Европе.

Рыночные отношения стремительно развивались. Выживали самые умелые и изворотливые мастера, и пошив на европейский манер уже не ограничивался только производством приталенной одежды. Прогрессивная часть дворянства довольно быстро отсеклась от старых фасонов и принялась наряжать своих чад в корсеты по иноземным образцам, не жалея ни денег, ни собственных нервов. И кому, как не портным, пришлось взять на себя ответственность за красоту и прогресс. Чтобы держать монополию в швейном деле, портные объединялись в ремесленные цеха вслед за булочниками, ювелирами, печатниками, часовщиками и парикмахерами. Конечно, среди ремесленников была своя «аристократия» – золотых дел мастера. Они не только производили товары, но и занимались сбытом, от чего быстрее других богатели. Ювелиры давали деньги в рост и на благотворительность, а следовательно, имели определенный вес в городских управах. Портные не могли тягаться с ювелирами, но по своей нужности и многочисленности стояли чуть ли не на первом месте. Женщины предпочитали заказывать наряды у евреев. В отличие от христианских портных, они быстрее всего ориентировались на рынке. У них у первых появлялись новые образцы выкроек, тканей и конечно же женских журналов с красивыми цветными картинками. Печатное издание «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета» имелось в каждом уважающем себя заведении. Дамское белье, шляпки, корсеты по последним парижским модам пользовались огромным спросом у барышень и их мамаш.

Ателье Вульфсона считалось престижным в городе. В нем все было в лучших портновских традициях. Сотрудники знали свое дело и четко выполняли доверенные им обязанности.

Завидев приближающихся к ателье людей, мальчишка лет десяти, подметающий мусор у входа, бросил метлу и с быстротой молнии скрылся в помещении. Не успели Разумовские войти, как им навстречу вышел мастер. Был он худощав, с круглой лысиной на макушке, но с пышными, закрученными кверху усами, совсем не вписывающимися в образ низкорослого человека. Карие навывкате глаза пребывали в постоянном движении. Казалось, ничто не ускользнет от его цепкого взгляда.

– Добрый день. Господа хотят заказать у нас платье для мамы или, может быть, костюм для молодого человека?

– Совершенно точно. Для мамы и всех оставшихся, кто стоит перед вами, – ответил Хацкель.

– Замечательно! Вы пришли до нас и не ошиблись. У ателье прекрасная репутация, а главное – многолетние традиции. С кого будем начинать?

– С внука, – пояснила Фрейда. – А вы здесь хозяин или управляющий?

– Хозяин. А почему мадам интересуется?

– Тогда скажите, ваши многолетние традиции повлияют на стоимость сюртука?

– Это как посмотреть. Присядьте в кресло, отсюда будет видно все, включая цены на наши услуги. Гришка, служи клиентам! – приказал он мальчишке, которого Разумовские пару минут назад видели у входа.

Маленький шустрый Гришка мгновенно подхватил обтянутое голубым атласом кресло, привычно смахнул с сидухи рукавом невидимый мусор и ловко подсунул Фрейде под зад.

– Садитесь, мадам, оно мягкое. Вам будет очень удобно.

– Спасибо тебе, заботливый мальчик. Ты здесь в учениках числишься?

– Ага, второй год пошел. Как мамка померла, так меня тятя сюда и пристроил. Сказал, всех ему не прокормить. Тянулся, тянулся на нас в одиночку, запил и тоже помер.

– Так ты сирота теперь?

– Ваша правда, мадам.

Фрейда с жалостью поглядела на ребенка и погладила его по белобрысой голове.

– Вот горе-то! В такие года без родителей остаться! Не обижают здесь тебя? – спросила она почти шепотом.

Не успел Гришка открыть рот, как получил от хозяина ладонью по уху и был отправлен в другую комнату.

Фрейда строго посмотрела на обидчика. Перехватив недовольный взгляд клиентки, он тут же попытался ретироваться:

– Еще тот бездельник! Терплю, кормлю, обучаю портняжному делу круглыми сутками, а толку – никакого.

– Что-то я не вижу в его руках иголку с ниткой. С метлой он ловко обходится – это правда. Перетащить чего, поднести – тоже в одно мгновение.

– Мадам, а вы как хотели? Не все сразу. Он что, особенный? Лентяй, и нет для него другого слова! Не обращайтесь внимания. Мы и так отвлеклись. Внимательно слушаю. Какой фасон вы лично желаете иметь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.